

ЙОАННА КУЛЬВИЦКА-КАМИНЬСКА, МАГДАЛЕНА ЛЕВИЦКА

**Новая татарская рукопись
в фондах Исторического музея в Белостоке.
Идентификация – классификация – характеристика**

Abstract

This paper is dedicated to initial ponderings of textological and philological nature which formed the basis for preparing the descriptive label of a new historical manuscript included in the collection of the Historical Museum in Białystok, chamail, representing one of the most common types of the Tatar manuscript in the form and status of a prayer book. The observation of the manuscript and the identification of its content allowed the scholars to draft a description regarding the external and internal form of the literary relic; its textual content and also to form some initial findings regarding its age and characteristic graphical and spelling features of Slavic and Arabic language layers.

Keywords: kitabistics, Tatars manuscripts, Tatars of the Grand Duchy of Lithuania, chamails, philological and textological analysis

Введение

В настоящей статье представляются предварительные текстолого-филологические замечания, касающиеся идентификации, классификации и характеристики рукописного памятника татар Великого княжества Литовского (в дальнейшем: ВКЛ), недавно появившегося в коллекции Исторического музея в Белостоке. Имеется в виду хамаил – один из наиболее распространённых видов татарской письменности, который по форме и статусу относится к сборникам молитв. Такие книги, составляющие богатую письменность татар ВКЛ и ещё сегодня используемые татарами, представляют собой наиболее важную и богатую часть

их культурного наследия, являясь также прочным следом проживания татар на территории Речи Посполитой. Этим книгам приписывается огромная духовная, литературная и культурная ценность, так как они служат доказательством наличия тесной связи между богатой культурой Великого княжества Литовского и исламской цивилизацией. Её выражением является необыкновенное сочетание, казалось бы, противоположных и исключающих друг друга элементов, которые, однако, гармонизируют друг с другом как в общественной жизни, так и в литературном творчестве польско-литовских татар, а именно сочетание восточной мусульманской и западной христианской культур. Наряду с бесспорной культурной ценностью упомянутых выше книг следует отметить их особое значение как источника для учёных, причём не только для филологов (в этих книгах имеются не исследованные ещё грамматические и лексические слои северного периферийного польского диалекта XVI–XX вв.; кроме того, там отражаются процессы интерференции и трансференции, проходившие в пределах славянского языкового пространства, а также контакты славянских и восточных языков, происходившие на всех уровнях языковой системы¹). Они представляют собой превосходный материал для проведения интердисциплинарных, исторических и этнографических исследований, а также исследований в области культуры и религиоведения и даже в области истории искусств.

Хамаил – наиболее распространённый вид татарской письменности

Согласно предложенной Дроздом² типологии татарской письменности, основанной на критериях содержания и формы, хамаилы относятся к группе основных книг, наряду с рукописями *Корана*, тафсирами, китабами. Остальные же группы составляют вспомогательные книги, в том числе таджвиды, суфры, вокабулярии, амулеты, в том числе грамотки, даловары и нуски, наконец, таблицы и мухеры, соединяющие в себе элементы письменности и религиозного искусства.

¹ См. Cz. Łapicz, *Kitab Tatarów litewsko-polskich. (Paleografia. Grafia. Język)*, Toruń 1986, с. 219–220; J. Kulwicka-Kamińska, *Przekład terminologii religijnej islamu w polskich tłumaczeniach Koranu na tle biblijnej tradycji translatorskiej*, Toruń 2013, с. 8.

² Первая попытка классифицирования татарской рукописной литературы была предпринята Шинкевичем (см.: J. Szynkiewicz, *Literatura religijna Tatarów litewskich i jej pochodzenie*, „Rocznik Tatarski” 1935, 2, с. 138–139). Учёный выделил рукописи Корана, суфры, таджвиды, тафсиры, китабы, хамаилы и даловары. Вышеназванные типы книг называются также авторами более поздних трудов, а некоторые из них – чаще всего Коран и суфры – не принимаются во внимание, напр. у Лапича (см.: Cz. Łapicz, *Kitab Tatarów litewsko-polskich...*, с. 65–67; Cz. Łapicz, *Z problematyki badawczej piśmiennictwa Tatarów białostockich*, в: *Studia językowe z Białostoczczyzny. Onomastyka i historia języka*, ч. 1, ред. I. Maryniakowa, E. Smułkowa, Warszawa 1989, с. 163), который к числу рукописей отнёс также грамотки. Новые виды татарской письменности выделил также Дрозд (см.: A. Drozd, *Piśmiennictwo Tatarów polsko-litewskich (XVI–XX w.). Zarys problematyki*, в: A. Drozd, M.M. Dziekan, T. Majda, *Katalog Zabytków Tatarskich. Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich*, Warszawa 2000, с. 12). Согласно предложенной им классификации, основанной на критериях

Рукописи *Корана* (араб. *Al-Qur'ān* – ‘чтение вслух’) – наряду с хамаилами (сборниками молитв) наиболее распространённые памятники татарской письменности. В них содержится полный текст Священной Книги мусульман, дополненный набором молитв (араб. *ṣalāt*) и правилами чтения (араб. *tağwīd, tilāwa*), которые помещались на первых и последних листах. Иногда, кроме вышеназванного, помещаются также дополнительные сведения, напр. список намерений (араб. *niyya*), с которыми следовало читать те или иные строки Корана (араб. *ayāt al-Qur'ān*), или текст суры XXXVI „Йа Син”, которая читалась при совершении похоронных обрядов. Как правило, в рукописях Корана, насчитывается 200–300 листов. Их самым распространённым форматом является 20 x 17 см. В XIX–XX вв. рукописи Корана имелись в большинстве татарских семей и они передавались из поколения в поколение³.

Тафсиры (араб. *tafsīr* – ‘разъяснение, комментирование’) – обширные и богатые по содержанию произведения. В них содержится полный текст *Корана*, а также подстрочный перевод на польский язык, дополненный экзегетическими комментариями. Подобно как в рассмотренных выше рукописях Священной Книги, в тафсирах дополнительно помещались молитвы и описание ритуала, сопровождающего чтение Корана. Они помещались на первых и последних листах тафсиров. Так как ввиду большого объёма тафсиров (в них насчитывается 400–500 листов размером в 35 x 20 см) их стоимость была очень высокая, они, как правило, заказывались целой группой „прихожан” и в качестве вакуфа (араб. *waqf*) передавались в собственность мечети. Следует отметить, что до появления польского перевода *Корана* в 1858 г. татары знакомились с содержанием Священной Книги прежде всего благодаря тафсирам⁴.

Китабы (араб. *kitāb* – ‘книга, писание’) – разные по объёму и содержанию рукописные памятники, представляющие собой познавательные книги, как правило,

содержания и формы, татарские рукописи разделяются на основные книги: рукописи Корана, китабы, тафсиры и хамаилы; вспомогательные книги: таджиды, суфры и вокабулярии, амулеты: даловары, грамотки и нуски; таблицы и мухыры. Эту типологию дополнил Янковски (см.: Н. Jankowski, *Polish-Lithuanian-Belarusian Tatar Documents*, „Materialia Turcica” 2003, 24, с. 114–115), указывая на необходимость снабдить прежние описания рукописной татарской литературы описанием эпиграфического материала (надгробных надписей) и разного рода документов, в том числе юридических и приходских писем, а также частной переписки.

³ Подробнее см.: S. Kryczyński, *Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej*, Gdańsk 2000, с. 190, 195; A. Drozd, *Piśmiennictwo Tatarów...*, с. 12–13; A. Konopacki, *Życie religijne Tatarów na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI–XIX wieku*, Warszawa 2010, с. 132–137. Каталог рукописей *Корана*: A. Drozd, M.M. Dziekan, T. Majda, *Katalog Zabytków Tatarskich. Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich*, Warszawa 2000, с. 49–50.

⁴ См. также: S. Kryczyński, *Tatarzy litewscy...*, с. 195; A. Drozd, *Piśmiennictwo Tatarów...*, с. 13; A. Konopacki, *Życie religijne...*, с. 137–139; J. Kulwicka-Kamińska, *Przekład terminologii religijnej...*, с. 60, 65–67. Список тафсиров: A. Drozd, M.M. Dziekan, T. Majda, *Katalog Zabytków...*, с. 48–49. Изучением т. н. Тафсира Татар Великого княжества Литовского с 2013 г. занимается международная группа исследователей под руководством Чеслава Лапича, профессора Университета Николая Коперника в Торуне. Полное описание проекта: www.tefsir@umk.pl [дата доступа: 1 III 2016], см. также: J. Kulwicka-Kamińska, Cz. Łapicz (ред.), *Tefsir Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego. Teoria i praktyka badawcza*, Toruń 2015.

религиозного содержания. В состав *китабов* входят рассказы о пророках (араб. *anbiyā*) и выдающихся личностях ислама, истории, основанные на мусульманской традиции (араб. *sunna*), апокрифах, *Коране* (араб. *Al-Qur'ān*) и Библии (араб. *Al-Inǧīl*), эсхатологические видения, нравоучительные, благочестивые и молитвенные сочинения, хадисы (араб. *ḥadīṭ*), комментарии к некоторым сурам *Корана*, описание религиозных обрядов и ритуалов (араб. *farā'id*, *arkān ad-dīn*), элементы мусульманского права (араб. *ṣarī'a*), религиозная полемика, магические тексты, тюркские и арабские вокабулярии, таджвиды (араб. *taǧwīd*), реже тексты светского содержания, большинство которых составляют художественные тексты восточного или древнепольского происхождения. Как правило, *китабы* состоят из 150–300 листов, причём их наиболее распространённым форматом являются 35 x 20 см и 20 x 17 см. В XIX–XX вв. *китаб* имелся лишь в одной из нескольких татарских семей⁵.

Таджвиды (араб. *taǧwīd* – ‘обучение чтению Корана’) – своеобразные лекции на тюркском языке, объясняющие правила произношения (араб. *qirā'a*) и чтения (араб. *tilāwa*) Священной Книги ислама. В них содержится также подстрочный польско-белорусский перевод. Этих книг очень мало, иногда таджвиды представляют собой составную часть других памятников татарской литературы, а именно *китабов* и *хамаилов*⁶.

Суфры (араб. *sifr* – ‘книга’) – небольшие по объёму рукописи, в которых содержится одна тридцатая часть *Корана* (араб. *ǧuz*), вид дидактических книжек, которые используются для обучения детей и для чтения молитв над умершим в ночь перед похоронами (араб. *ṣalāt al-ǧanāza*)⁷.

Вокабулярии (название, которое данному типу татарской письменности присвоили учёные) – рукописные книги, в которых – согласно этимологии названия – собраны слова, фразы и выражения вместе с их переводом на польский и/или белорусский языки⁸.

Грамотки (белор. ‘письмо’) – молитвенные свитки, которые носят с собой верующие; наряду с *хамаилами* и *даловарами* составляют самую большую группу памятников татарской письменности. Они именуется также *даловарами*, подобно как свитки, которые кладутся в могилу (они изготавливаются подобным образом и после того, как их складывали в плоский пакет, их носили в небольшом футляре, который располагался под правым плечом); поэтому *даловары* делятся на похоронные (могильные) и охранительные. В грамотках, длина которых составляет, как правило, 2–6 м, а ширина 4–12 см, содержатся охранительные коранические строки, правила веры, молитвы (араб. *du'ā*), гарантирующие

⁵ Подробнее см.: S. Kryczyński, *Tatarzy litewscy...*, с. 190–191, 194–195; A. Drozd, *Piśmiennictwo Tatarów...*, с. 13–14; A. Конораскі, *Жыццё рэлігійнае...*, с. 139–140. Каталог *китабов*: A. Drozd, M.M. Dziekan, T. Majda, *Katalog Zabytków...*, с. 50–54.

⁶ Подробнее о таджвидах см.: A. Drozd, M.M. Dziekan, T. Majda, *Katalog Zabytków...*, с. 60.

⁷ О суфрах см.: A. Drozd, *Piśmiennictwo Tatarów...*, с. 14.

⁸ Подробнее см.: A. Drozd, *Piśmiennictwo Tatarów...*, с. 14. Каталог вокабуляриев: A. Drozd, M.M. Dziekan, T. Majda, *Katalog Zabytków...*, с. 60.

прощение грехов и благополучие в земной жизни, магические формулы и фигуры – тилсамы (араб. *tilasm*). Особую группу охранительных даловаров составляют детские грамотки, дополненные формулами, защищающими от болезней. Они вручались детям во время обряда имянаречения⁹.

Даловары (тюрк. *du‘ālar* – ‘молитвы, сборник молитв’) – молитвенные свитки, которые вкладывались в могилу вместе с умершим; это самые долговечные татарские рукописи – они используются по сей день. Их содержание составляют избранные суры и строки *Корана* на арабском и – реже – тюркском языках, правила веры (араб. *īmān*), покаянные (*tawba*) и спасительные (*du‘ā*) молитвы, читаемые с целью помочь умершему пройти Страшный суд (араб. *Yawm ad-Dīn*, *Yawm al-Hisāb*). Основная часть даловаров (длиной в 5–15 м и шириной в 8–15 см), сложенная в виде плоского пакета или смотанная в рулон, кладётся на тело умершего после его опущения в могилу. Дополнительные части, т. н. нуски (араб. *nusha*), представляющие собой небольшие бумажки с краткими арабскими формулами, кладутся в руку покойного, а также на его лоб, лицо и грудь, а мухиры, немного бóльшие по объёму фрагменты, прикрепляются над головой к доскам, которыми выкладываются стены ниши. Повешенные на палку, воткнутую в стену ниши перпендикулярно по отношению к телу умершего, они помещаются также над грудью умершего¹⁰.

Нуски (араб. *nusha* – ‘экземпляр, рукопись’) – татарские рукописные памятники, по характеру сходные с грамотками, именуемые также дуайками (араб. *du‘ā*). Они представляют собой небольшие бумажки с выписанными из хамаила текстами молитв на арабском языке, а также текстами охранительных и лечебных магических формул и фигур. Их носят в небольших футлярах, располагаемых при разных частях тела. Нуски помещаются также над проёмами и закапываются возле домашнего порога¹¹.

Таблицы (название, которое данному типу татарской письменности присвоили учёные) – бумажные или картонные таблички, которые вешались на стены мечетей и домов. По форме (таблица, иногда оправленная в раму), предназначению (они вешались на стену) и содержанию (описание обрядов, молитвенные формулы, избранные коранические строки вместе с переводом, этические поучения) напоминают мухиры¹².

Мухиры (тюрк. *muhr* – ‘печать’) – декоративные таблицы или ткани, снабжённые надписями или изображениями сакральных или магических предметов, сооружений и мест. Мухиры выполняли декоративную функцию, обогащая инте-

⁹ Подробнее об этом см.: А. Drozd, *Piśmiennictwo Tatarów...*, с. 15; S. Kryczyński, *Tatarzy litewscy...*, с. 263–268. Каталог грамоток: А. Drozd, М.М. Dziekan, Т. Majda, *Katalog Zabytków...*, с. 60–62.

¹⁰ Подробнее об этом см.: А. Drozd, *Piśmiennictwo Tatarów...*, с. 14; А. Konopacki, *Życie religijne...*, с. 152–153. Каталог даловаров: А. Drozd, М.М. Dziekan, Т. Majda, *Katalog Zabytków...*, с. 60–61.

¹¹ Описание нусок см.: А. Drozd, *Piśmiennictwo Tatarów...*, с. 15. Каталог нусок см.: А. Drozd, М.М. Dziekan, Т. Majda, *Katalog Zabytków...*, с. 62.

¹² Каталог таблиц см.: А. Drozd, М.М. Dziekan, Т. Majda, *Katalog Zabytków...*, с. 62–63.

рьер домов и молитвенных сооружений. Им приписывается также магическая функция, так как они должны защищать дома и их жителей. Мухиры снабжаются надписями (описание обрядов, молитвенные формулы, избранные коранические строки вместе с переводом, этические поучения) или изображениями святых мест, а также каллиграфическими, геометрическими, растительными или архитектурными украшениями и мусульманской символикой. Поэтому по содержанию мухиры делятся на инскрипционные и изобразительные. Отдельную группу составляют мухиры, которые по содержанию соответствуют этимологии названия, т. е. мухиры, изображающие магические печати. Однако их довольно немного¹³.

Хамаилы (араб. *ḥamā'il* – ‘носимое с собой’)¹⁴ представляют собой наиболее распространённый вид татарской письменности. Содержание хамаилов, а также способ их использования позволяют отнести их к числу сборников молитв. Такое отнесение хамаилов в значительной степени связано с их содержанием, которое составляют разнообразные тексты религиозной тематики, в том числе практическое описание мусульманских ритуалов (араб. *ša'ā'ir*), прежде всего основных обязанностей мусульман (араб. *arkān ad-dīn, farā'id*), то есть: символа веры (араб. *šahāda*), молитвы (араб. *ṣalāt*), поста (араб. *ṣawm*), подаяния (араб. *zakāt*), паломничества (араб. *ḥaǧǧ*), а также омовения (араб. *wuḍū'*) и обрядов жизненного цикла: имянаречения (араб. *ādān*), обрезания (араб. *ḥitān*), бракосочетания (араб. *zawāǧ*), наборы арабских и турецких супликаций (араб. *du'ā'*), формул, произносимых при определённых обстоятельствах, а также devoционных текстов, напр. зикров (араб. *dīkr*) и хикметов (араб. *ḥikma*), дополняемых таблицами с мусульманским календарём (араб. *at-taqwīm al-ḥiǧrī*)¹⁵. Довольно часто в хамаилах содержатся магические тексты, связанные с магическими практиками, распространёнными среди татарской общественности, практиками как ближневосточного, так и христианского происхождения, вытекающими из веры в злых духов, джиннов¹⁶ и фереев¹⁷, от воздействия которых должны защищать разные заговоры и определённые действия, рекомендуемые т. н. фалджеями (араб. *fa'l* ‘хорошая примета; хорошее предзнаменование’; отсюда тюрк. *fal* ‘предсказывание, гадание’ + тюрк. *-dži*) и сюфкачами (название происходит от

¹³ Подробное описание мухиров см.: A. Drozd, *Piśmiennictwo Tatarów...*, с. 38–43. Каталог мухиров см.: A. Drozd, M.M. Dziekan, T. Majda, *Katalog Zabytków...*, с. 67–80.

¹⁴ Подробнее о хамаилах см.: S. Kryczyński, *Tatarzy litewscy...*, с. 192, 194, 196; A. Drozd, *Piśmiennictwo Tatarów...*, с. 13–14; A. Konopacki, *Życie religijne...*, с. 141–151; I. Radziszewska, *Chamaily jako typ piśmiennictwa religijnego muzułmanów Wielkiego Księstwa Litewskiego (na podstawie słowiańskiej warstwy językowej)*, неопубликованная докторская диссертация, Университет Николая Коперника, 2010. Каталог хамаилов см.: A. Drozd, M.M. Dziekan, T. Majda, *Katalog Zabytków...*, с. 54–60.

¹⁵ Мусульманский календарь (*at-taqwīm al-ḥiǧrī*) – лунный календарь, по которому летоисчисление ведётся с 622 г. н. э.; в этом календаре год состоит из 12 месяцев: *muḥarram, ṣafar, rabī' al-awwal, rabī' al-tānī, ḡumādā al-ūlā, ḡumādā al-tāniya, raǧab, ša'bān, ramaḍān, ṣawwāl, dū al-qa'da, dū al-ḥiǧga*, состоящих из 30 или 29 дней.

¹⁶ Джинн (араб. *ǧinn*) – ‘демон’, ‘добрый или злой дух’.

¹⁷ Ферей (араб. *fariyyu*) – ‘злой дух’.

характерного звука, который издаётся во время совершения заговаривающим/целителем соответствующего обряда)¹⁸. Отсюда молитвы, предназначенные для лечения психических заболеваний при помощи экзорцизмов, предсказания, т. е. фалы (араб. *fa'l*), молитвы и магиго-лечебные формулы, т. е. тилсамы (араб. *ṭilasm*). При классификации хамаилов по содержанию и предназначению, как правило, выделялись два типа: моллинский, используемый моллами (ср. араб. *mawlā* 1. 'господин'; отсюда молна, молла/мулла 'духовное лицо у татар') для совершения обрядов, а также фалджейский, используемый фалджеями для проведения магических и гадательных процедур, тем не менее крайне редко бывает так, что их можно отнести к одному конкретному типу. Как правило, они отличаются универсальностью, соединяя в себе элементы коллективных обрядов, магических практик, а также индивидуальных ритуалов и молитв. В хамаиле насчитывается 100–300 листов. Самыми распространёнными форматами этих листов являются 10 x 8 см и 15 x 10 см. В XIX–XX веках в любой татарской семье имелся один или несколько сборников молитв¹⁹.

Новый хамаил из коллекции Исторического музея в Белостоке

Татарская рукопись, описание которой является целью настоящей статьи, с недавнего времени хранится в фондах Исторического музея, являющегося отделом Подляского музея в Белостоке. Рассматриваемая рукопись хранится там под номером МВН 5120. Памятник состоит преимущественно из текстов, написанных на восточных языках. В памятнике имеются единичные введения к текстам, комментарии к ним или вставные фрагменты, написанные на славянских языках. Содержание рукописи позволяет классифицировать её как хамаил.

Происхождение и история рукописи

Сведений о происхождении памятника и его истории очень мало. Известен лишь тот факт, что рукопись привёз в музей Сулейман Сафаревич (в 1980–1989 гг. он был имамом в деревне Бохоники). Она была привезена из города Ивье

¹⁸ Ср. М.М. Dziekan, *History and culture of Polish Tatar*, в: *Muslims in Poland and Eastern Europe: Widening the European Discourse of Islam*, ред. К. Górak-Sosnowska, Warszawa 2011, с. 36.

¹⁹ Довольно большое количество хамаилов хранится как в частных коллекциях, так и в фондах музеев и библиотек, в том числе в Историческом музее в Белостоке, Национальном музее Литвы, Гродненском государственном музее истории религии, Библиотеке тюркологии и востоковедения факультета ориенталистики Варшавского университета, Библиотеке кафедры арабистики и исламоведения Варшавского университета, Гданьской Библиотеке Польской академии наук, Центральной научной библиотеке Национальной академии наук Белоруссии, Государственной публичной библиотеке во Львове, Библиотеке восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Библиотеке Лейпцигского университета, British Library в Лондоне.

(в настоящее время татарская община этого города является одной из самых крупных в Беларуси). Считается, что рукопись была создана в Ивье.

Отсутствуют сведения об авторе рукописи, а также о копиисте/копиистах. Анализ почерка позволяет установить, что переписыванием рукописи занимались как минимум два писца. Что касается датировки рукописи, с большой вероятностью можно предположить, что она была создана во второй половине XIX в. Так как в памятнике отсутствует характерный для татарских книг колофон, установить датировку рукописи позволяет исследование бумаги и филиграни – это черпанная бумага с водяным знаком, которая в шестидесятых и семидесятых годах XIX в. использовалась в Виленской, Гродненской и Минской губерниях. Анализ графических и орфографических признаков памятника позволяет предварительно установить, что сам текст мог быть создан раньше (косвенная датировка).

Палеографическое описание рукописи

Высота рукописи – 17 см, ширина – 11 см. Формат рукописи тесно связан с форматом использованной бумаги. Она могла быть сложена вдвое – in folio, вчетверо – in quarto, в восемь раз – in octavo. К памятнику приклеены первый и последние листы. По формату они немного меньше. Судя по всему, отсутствуют начало и конец – наличие рекламанта на последнем сохранившемся листе (л. 190a) позволяет считать, что текст был продолжен. Рукопись переплетена в темно-коричневую кожу, украшенную орнаментом. Фрагменты переплёта утрачены. Её задняя сторона укреплена другим переплётом из светло-коричневой кожи. Рукопись прошита нитью, блок книги не приклеплён к переплёту, некоторые листы укреплены изнутри бумагой.

Рукопись состоит из 197 листов, сделанных из черпанной бумаги белого или желтоватого цвета, местами изношенной (на ней видны пятна, грязь, потёртые места; углы и края листов повреждены). Первый и последние листы (начиная с л. 190b) сделаны на коричневой бумаге. Они местами порваны и крошатся, а их углы и края повреждены. В рукописи не используется порядковая нумерация страниц, вместо фолиации или пагинации применялся рекламант, т. е. слово или первые буквы (слог) слова, расположенные горизонтально (параллельно по отношению к линии текста) или диагонально на оборотной стороне каждого листа, под текстом, ближе к внутренним полям. Рекламант указывал слово или выражение, с которого начинался текст, написанный на следующем листе. В рекламанте не всегда применялись диакритики, вводившие вокализационные знаки, которые являются характерным признаком основного текста татарских манускриптов.

Составленные на листах рукописи заметки написаны арабским письмом. Подавляющее большинство из них написаны аккуратным почерком, скорее всего одним писцом. Заметна, однако, разная интенсивность цвета чернил, которые

использовались при создании рукописи. Исключение в этом отношении составляют первый и последние листы рукописи, где заметна смена цветов чернил и почерков (л. 001 и 002а; л. 190b–195b). Для составления заметок использовались чернила чёрного и красного цвета – последние вводят языковой пласт, отличающийся от основного языкового пласта (если имеется длинный текст, написанный на арабском и/или тюркском языках, то с помощью красных чернил вводится фрагмент, написанный на славянском языке; и наоборот: если имеется славянский текст, то красные чернила применяются для выделения арабской или тюркской вставки). Красные чернила употребляются для выделения отдельных фрагментов текста, для обозначения их начала или конца. Красными чернилами записывались: знаки, употребляемые для деления текста, напр. точки, а в арабском языковом пласте точки, кружки, штрихи, диакритические знаки, а также дополнительные над- и подстрочные знаки. Кроме того, с помощью красных чернил обозначались названия глав, порядковые числительные, выделенные фрагменты в тексте, написанном на арабском или тюркском языках (напр. фраза *a 'ūdu bi-al-llāhi min-a al-ššayṭāni al-rraġīmi*, обороты (восклицания): *yā allāh yā allāh, al-llāhu akbar*, а также указания *mwlā, nuwaytu, naḥs*), а также фрагменты текста, написанные на славянских языках, напр. намерения, руководства к молитве (молитвенные позы, поклоны и т. д.). Для первого и последних листов характерен однородный коричневый цвет чернил, которыми они были написаны.

Страница, как правило, состоит из 13 строк (реже из 12); поля сохранились, а для деления текста употреблялись маркеры списка, которые записывались красными чернилами. Таким же образом выделялись конкретные, повторяющиеся выражения, а также инципиты, т. е. начальные слова новой текстовой единицы, выполняющие функцию его заголовка. Для выделения новой текстовой единицы употребляются также конкретные выражения: начальное *bāb* ‘глава’ и *tō jest*, а также конечное *t[e]mm[a]t' t[a]mmam* ‘конец’. Для обозначения начала новой смысловой единицы употребляется также небольшой пробел.

Нынешнее состояние рукописи оценивается как хорошее.

Содержание рукописи

По содержанию рукопись соединяет в себе моллинские и гадательные элементы. Это сборник молитв большого формата, в котором наряду с основным текстом содержатся праздничные и общественные молитвы, описание религиозных обрядов, проповеди, предназначенные для муллы, а также фалджейские записи: магические и целительные формулы, прорицания, заговоры, предназначенные для гадателей (фалджеев) и знахарей (сюфкачей). На первом листе рукописи записаны молитвы ахшам (тюрк. *akşam* [namaz]) ‘вечерняя молитва’) и зикр (араб. *dikr*, тюрк. *zikir* ‘память, поминание’; ‘поминание, упоминание, цитирование’; в исламе ‘размышление об Аллахе’; в суфизме: многократное произнесение молитвенной

формулы). Следующий лист не является собственно началом рукописи, в связи с чем отсутствует название первой текстовой единицы.

Содержание рукописи составляют²⁰:

1 – молитва *axşam* (вечерняя молитва на закате солнца)²¹: *du'a'i dō axşamı tō jest...*;

2a – молитва *ziker būdūr* (вид литании);

2b–4b – реестр 40 молитв *jašen* (заупокойные молитвы): *bab tō jest rejestr na šterzeşe kuranōw albō jašenōw...*;

4b, со строки 5–7b, с. 8 – намерения, т. е. т. н. *nijjet* (араб. *niyya[t]*): *nijjet za wšix mejitōw swajix krewnix...*;

7b, стр. 9–8a, стр. 12 – молитва: *nad xōrim člōwekem jšn pejūci na šemi...*;

8a, стр. 12–18a, стр. 10 – обязательные (араб. *fārđi*) строки суры *Īa Sun* наряду с соответствующими намерениями (*nijjet*), а также фрагменты следующих сур: XII, I, II, XXVIII, XXXVII, LIX, CXII, CXIII, CXIV и I, II, XXXIX, III, LIX, LXVI (любой суре, так же как и в Коране, предшествует басмала, т. е. апострофа *bi-smi al-llāhi al-rraḥmāni al-rraḥīmi*. В дальнейшей части с басмалы начинается большинство текстовых единиц);

18a, стр. 11 – указание читать одну из кратких сур, напр. *Al-Ihlās* „чистота веры” – *ūč ixlas...*;

18a, стр. 12–18b, стр. 3 – молитва перед едой: *bab tō jest pred jezennem pej...*;

18b, стр. 4–18b, стр. 11 – молитва после еды: *bab pošle jezenne ruk padnaw pej...*;

18b, стр. 12–22b, стр. 13 – ритуальные омовения – *guşel* (наряду с намерениями); затем – в зависимости от времени дня как соответствующие формулы, так и молитвенные позы; *abdeş* (также намерения и молитвенные позы);

23a, стр. 1–23a, стр. 11 – молитва при входе в мечеть *dō meçeťa prixōzeçi pec...* и при выходе из мечети *ū meçet ixezeçi...*;

23a, стр. 12–23b, стр. 2 – молитва, читаемая на кладбище – *žirec: na žirec stezeçi pec spaşenne...*;

23b, стр. 2–30b, стр. 2 – обязательные молитвы (*nemazi* – *azan* – ‘призыв к молитве’, *sebah* – ‘утренняя молитва’), а также соответствующие намерения, молитвенные позы, поклоны;

30b, стр. 3–30b, стр. 12 – молитвы, читаемые после молитв *sebah*, *awle* ‘полуденная молитва’, *akinde* ‘предвечерняя молитва’, *axşam* ‘вечерняя молитва на закате солнца’, *jecsi* ‘вечерняя молитва после заката солнца’;

²⁰ Приводится страница памятника вместе с инципитом и краткой характеристикой содержания данного фрагмента текста.

²¹ Для передачи славянских слов (Йоанна Кульвицка-Каминьска) применяется система транслитерации, разработанная Группой, которая в рамках Национальной программы развития гуманитарных наук занимается реализацией международного научного проекта „Тафсир” (модуль 1.2, № 12 Н 12 0041 81). Для транскрипции восточных слов (Магдалена Левицка) применяется система ИСО.

30b, стр. 13–32a, стр. 10 – обязательные молитвы *awle*, *akinde*, *axšam*, *jeccī* (намерения, молитвенные позы, движения, формулы);

32a, стр. 10–33b, стр. 8 – молитвы, читаемые во время поста *remezan* (а также *ʿerawīx* ‘вечерняя молитва, читаемая во время поста *ramaḍān*’) и соответствующие намерения: *bab tō jest zō pōstū remezannehō...*;

33b, стр. 9–34a, стр. 3 – молитвы и намерения *zūlxexže*, читаемые ‘во время поста на протяжении месяца *ḍū al-ḥiḡḡa*, т. е. двенадцатого месяца лунного года’;

34a, стр. 4–46a, стр. 5 – байрам-намазы (*bajram namaḡ* ‘праздничное богослужение’) и порядок праздничных богослужений: *remezan bajram*, *šultan du ‘a’*, *fitre bajram*, отмечаемых в месяце зу аль-хиджа (*zūlxexže*), *kurban bajram*;

46a, стр. 5–64a, стр. 7 – молитвы, читаемые в мечети (*žumxe namaḡ*): *tō jest žumxe selax nijjeʿ...*, в том числе молитвы за власть (*xutbe muxerrem* и *xutbe*): *pōwš[e]dn[ō]*, *rabīʿ al-awwal*, *rabīʿ at-tānī*, *ḡumādā al-ūlā*, *ḡumādā al-āḥīra*, *raḡab*, *šaʿbān*, *ramaḍān*, *šawwāl*, *ḍū al-qaʿda*, *ḍū l-ḥiḡḡa*, *ḡumʿa namāz*);

64a, стр. 7–66a, стр. 8 – молитва: *bab ješlī xōčeš ū naucca beglim bic tajnije rečī wedōmije...*;

66a, стр. 9–67b, стр. 3 – молитва, которую приказал читать пророк: *bab prōrek jehō milōšc mūwil xtō bī namaḡ pew...*;

67b, стр. 3–68a, стр. 5 – молитва *namaḡ xekkulwalidejni* ‘настоящие родители’: ‘*tō jest namaḡ xekkulwalidejni* (ср. араб. *ḥaqq* ‘истина’; араб.-тюрк. *valide* ‘мать’; ист. в прошлом в Турции ‘живая мать правящего султана’ или араб. *walī* 1. ‘помощник, сторонник, союзник’; 2. ‘покровитель’; 3. ‘мусульманский святой, вали, человек, близкий к Богу’);

68a, стр. 5–68b, стр. 6 – молитва *bewle namaḡ* (ср. араб. *bawl* ‘моча’);

68b, стр. 7–69b, стр. 1 – молитва благочестивых и искренних мусульман, защищающая от злых приключений (от разбойников): *bab z lūzej pōbōžnix ščirix aḡin mušulmanin...*;

69b, стр. 1–69b, стр. 8 – благодарственная молитва *šukūr namaḡ* (из араб. *šukr* ‘благодарственность’);

69b, стр. 8–70a, стр. 2 – зикр: *bab hetej žiker jak mejjitʿ zijzecca iš šehō šweta...*;

70a, стр. 3–71b, стр. 7 – молитва *penc jimanew* (краткие молитвы, которые читаются моллой около кровати тяжелобольного мусульманина – из араб. *īmān* ‘вера; символ веры’²²): *bāb ‘abdu allah šwentī jednej nōci wizew pres sōn prōrōka jehō milōšc muxemmeda...*;

71b, стр. 7–72b, стр. 8 – молитва *jiman krimskīx mūsulman*: *bab i tō jiman krimskīx mūsulman welikajō spašennō pec...*;

72b, стр. 9–75b, стр. 11 – покаянная молитва (длинная версия) – *ʿewbejna duʿaʿi* (она может читаться во время поста или в любое другое время): *bab tō jest ʿewbejna duʿaʿi naležtī imatu ū žatiji z žemeʿatem pec...*;

²² S. Kryczyński, *Tatarzy litewscy...*, с. 213.

75b, стр. 12–76b, стр. 1 – покаянная молитва (краткая версия) – *t'ewbejna du'a'i* (молитва, предназначенная для чтения над больным): *bab i heta takže t'ewbejna du'a'i krūtša t'ewbe...*;

76b, w. 2–102b, w. 2 – описания обрядов:

– порядок проведения похорон – *mejjiť* (намерения, омовения, молитвы, напр. *ženaže nemaž* ‘молитва, читаемая над телом покойного перед мечетью’, *talkin* ‘молитва, читаемая на могиле’, *dewür* ‘молитвы за пропущенные покойником дневные молитвы и посты месяца рамазан’), действий (напр. уложения покойного *na tabüt* ‘на низкие деревянные носилки на четырёх ножках’, уложения в могилу и т. д.): *bab pöröndak dö mejjiťa jakim sposobem...*,

– порядок наречения новорождённого, т. е. *азан* (в том числе *kameť* ‘призыв к совершению обязательных поклонов’; при этом молла держит ребёнка за левое ушко): *bab malim zecem azan pec...*, бракосочетания – *nekaħ*: *tō jest razija pred šlūbem mūwjić...*, обряда охретания ‘побратимство’: *bab ješlī xtō xōće axretaci še...*;

102b, стр. 3–114a, стр. 8 – молитвы: двенадцать имамов Он Ики Имам (*bab šerīx du'a'i ōn jikī ima tō jest dwanašce imatow*), ‘большая чаша’ Кедех Азим (*šerīx du'a'i kedex 'ažim būdur*), ‘большой свет’ Нур Азим (*šerīx du'a'i nūr al'ažim būdur*), ‘красивая’ Джамиль (*šerīx du'a'i žemil būdür*);

114a, стр. 9–114b, стр. 1 – молитва: *bab prōrek jehō milōšc mūwil xtō bi t du'a'i pew...*;

114b, стр. 2–114b, стр. 13 – молитва: *du'a'i šī būdur pec i našic...*;

115a, стр. 1–115a, стр. 5 – *bab sōndnegō dna na šedmižešōnt mejscax walke...*;

115a, стр. 5–115a, стр. 13 – молитва *du'a'i haqā du'a'i būdür...*;

115b, стр. 1–116a, стр. 4 – *szejtan 'alejhi alleheneti mūwil adnahō ča dawid prarōku mōwil ja ūmejū adnū du'a'i...*;

116a, стр. 5–116a, стр. 10 – молитва, предназначенная для чтения в пятницу вечером после молитвы *axšam* (с обещанием прощения грехов): *bab ū patnicu ū wečer pō axšame...*;

116a, стр. 11–116b, стр. 10 – *bab wekladu tej du'a'i pan bōħ ōznajmil prarōku jego milōšci...*;

116b, стр. 11–117a, стр. 4 – молитва, предназначенная для чтения при раздаче милостыни *fitre* ‘милостыня, раздаваемая по случаю завершения поста’: *bab fitre dajući hetōjū du'ai pej...*;

117a, стр. 5–120b, стр. 6 – молитва, читаемая лицом, совершающим обряд обрезания (*sunazej*): *bab heta du'a'i sunazeť gōzi še pō bajram nemaže...*;

120b, стр. 7–122a, стр. 12 – печать пророка Мухаммада: *bab prōrek jehō milōšc mūwil ješlī mal...*;

122a, стр. 12–124a, стр. 8 – заклинания, охранительные, лечебные заговоры, талисманы (*telšim*), напр. защита от злых приключений; гарантия супружеской любви; гарантия спасения-избавления:

– *bab xtō bi heta du'a'i pew albō pri sōbe nošil kule strela...*;

– *bab xtō bi heti du'a'i napisawši pri sabe nasic būze...*;

– *bab xtō bi heta du'a'i pew albō pri sōbe nōsil ōd každej prihōdi pan bōh ōbrōni...*;
 – *bab hadā du'a'i šaje ōznajmūje ōd prarōka jehō milōšec ješlībi xtō štō zen heta du'a'i pew albo pri sōbe nōsil...*;

124a, стр. 9–125a, стр. 13 – *abrekannō dō kurbanu...*;

125b, стр. 1–127b, стр. 13 – *bab tō jest selewat' du'a'i welke spašennō pec...*;

128a, стр. 1–131b, стр. 8 – буквы *xūrfy*, месяцы и дни невезения (*nexš* ‘роковые’): *bab tō jest ližba mešōncōwa pōtreba wezec...*;

131b, стр. 8–134b, стр. 13 – *gōzžinnik*, т. е. прогнозы насчёт влияния планет: *bab gōzžinnik na cō i dlačegō ktūre gōžina panūje...*;

135a, стр. 1–156a, стр. 3 – фалы ‘предсказания’ (называются в двенадцати основных пунктах, поочерёдно повторяются одинаковые или схожие смысловые компоненты: названия планет и звёзд, признаки *ферея*, вызываемые им заболевания, а также действия, совершение которых должно гарантировать излечение. В *фале* содержатся существенные сведения, благодаря которым можно излечить больного и которые здоровому человеку помогут защититься от воздействия злых духов и от болезней. Охранительные формулы – талисманы представляют собой характерную комбинацию арабских букв и вертикальных чёрточек): *tō jest fal alff[ō]wī...* и *tō jest fal šulejman prarōka jehō milōšci...*;

156a, стр. 4–174a, стр. 9 – молитвы, читаемые с целью излечить больных, страдающих от разных недугов, в том числе от ферейской болезни ‘умопомешательство’ (*xōrōba welkaje ferejškaja*), а также охраняющие от болезней, вызванных кадуком, т. е. ‘дьявольских’ (*ōd kadūčnīx xōrōb*);

174a, стр. 10–174b, стр. 8 – *aker řewrit* ‘Тора’;

174b, стр. 9–183b, стр. 7 – талисманы, нуски (‘бумажки с арабскими формулами, используемые прежде всего в лечебных целях’), охранительные формулы, помогающие в разных жизненных ситуациях, напр. беременность и роды (*brebnej newešce*), тоска (*ōd tesknōšci*), а также охраняющие от воздействия сатаны и от посылаемых им болезней (охранительные молитвы и формулы), напр. от дьявольской и ферейской зараз (*ōd zaraženne šejtansškōhō, ōd zaraži ferejškōj*), от заболеваний внутренних органов и от боли (напр. *ōd bōlenne šerezini, ōd bōlenna bōku, ū kahō moč zajmessa*), распознавание болезни (*xtō ū xōrim xce wezec*), магическая формула (*нуска*), от сглаза (*ōd ūrōkaw*), от болезней скота (*na bidlō nezdrōwo*), от дурных мыслей (*ōd lixnix mišlī*), от головной боли (*ōd glōwī bōlenna*), от сердечной боли (*ōd serca balenna*) и других (напр. *ōd hrūzej balenne*), от колдовства (*ōd čarōw, ōd čarōwnašci*), магическая формула (*нуска*), от недугов (*ōd neprijacelōw*), от 70 болезней (*ōd šemzešat xōrōb*), от сглаза, который наводится на маленьких детей (*malim zecet ōd ūrōkaw*), от бессонницы (*ješlī snī ne maš*), от т. н. дурного глаза (*ōd lix ōčej i jezikōw*), от 70 ферейских болезней (*ōd šemzešat ferejškīx xōrōb*), талисманы (*talšim*), помогающие при посещении больного (*xōrehō nawažajuči*), при прохождении мимо кладбища (*mītō mīzaru idūči*) и другие (напр. *čxnīwšī, spac lahajuči, ū nōči čxnecca, sedegu dajuči, šweč zapalewajuči, mešeca maladōhō abačiwšī*);

183b, стр. 7–188a, стр. 13 – мусульманский катехизис – т. н. шарты (ответы покойного на поставленные ему ангелами вопросы о его вере и делах): *tō jest rōzūm majuči kōždemū mušulmaninu i mušulmanca ičicca...*;

188b, стр. 1–193a, стр. 6 – рассказ о разбойнике Аббасе вместе с молитвой, благодаря которой даже величайший грешник обретает спасение;

193a, стр. 7–193b, стр. 12 – молитва на арабском языке.

Лицевая сторона последнего листа рукописи записана латиницей – она представляет собой транслитерацию текста, написанного на восточном языке. Заметки, имеющиеся на последнем листе манускрипта, написаны кириллицей и латиницей. Они не полны.

„Число квитов тридцать пять [с]то сорокъ Ц/Шу курунды<...> то есть

<cu[[gazura]]dow> gobiena. – <> namī (наши)”. Кроме того, карандашом записаны единичные арабские буквы.

Приведённое выше представляет собой лишь общий список текстовых единиц, составляющих рассматриваемый хамаил. Подробное изучение отдельных текстовых единиц должно стать предметом дальнейшего исследования. На современном этапе изучения манускрипта можно лишь констатировать, что подавляющее большинство имеющихся в нём сюжетов имеется также в более чем десяти других хамаилах, что было установлено в результате исследования их содержания²³. Однако заслуживающим внимания является тот факт, что один памятник содержит в себе так большое количество разнообразных сюжетов.

К графико-орфографическим особенностям славянского пласта следует отнести:

- обозначение [ū] знаком *vav* в сочетании со знаком *дамма*, а также обозначение [ō] сочетанием знаков *vav* и *фатха*: *nad xōrim člōwekem jšn pejūči na šemi* (с. 7b, стр. 8);

- графические ошибки: ошибочное употребление диакритических знаков, напр. знака *касра* и знака *фатха* (есть слова, в которых пишутся оба эти знака): *šubxanīke pec/ šubxaneke pec* (с. 42a, стр. 10 – здесь пишутся знаки *касра* и *фатха*), затем *šubxaneke spewši* (с. 42a, стр. 10 – здесь пишется одна *фатха*), *na mīzar pribewšī* (с. 80a, стр. 1); а также ошибочное употребление согласных графем, обозначающих, напр. б-п, ч-ž, ф-к: *tō treba tak pec bekka* (с. 26a, стр. 8), *bab tō jest zō pōstū* (с. 32a, стр. 10), *tō jest razija* (с. 94b, стр. 8); сокращение слов, отсутствие букв или сочетания букв: *žebī pōstac pō[...] maj[e]statem bōškim* (с. 4a, стр. 10–11), *xtō bi t[...]* *du'a'i pew* (с. 114a, стр. 9);

- передача этимологического *í* при помощи знака *г*: *trinastij* (с. 3a, стр. 7), *grexi prewažilō* (с. 4a, стр. 7), *pred* (с. 18a, стр. 12);

²³ См.: *Рукапісы татаруў Беларусі XVIII – пачатку XXI стагоддзя з дзяржаўных і грамадскіх кнігазбораў краіны. Каталог*, укладальнік: М.У. Тарэлка, Мінск 2015.

• высокая частотность буквы *zā'* ظ (доминирует): *tahō zbōjca* (с. 189а, стр. 2), очень редкое употребление буквы *zāy* ج: *na źemlū palci spūścivši* (с. 22а, стр. 6), а также *dāl* د – ср. *žiker būdūr* (с. 2а, стр. 1);

• обозначение мягкой фонемы *s* при помощи буквы *īā'* ث, ср. *sūdmij* (с. 3а, стр. 4) или *sīn* س, ср. *jašepōw* (с. 2b, стр. 1);

• обозначение фонемы *t* как сочетанием букв *tā'* ت, ср. *ajet'* (с. 2а, стр. 13), *nijjet'* (с. 5а, стр. 5), *tehret'* (с. 20b, стр. 2) – особенно в словах восточного происхождения, как и сочетанием *tā'* ط, ср. *bab tō jest rejestr ješn* (с. 2b, стр. 11);

• обозначение фонемы *χ* (ch) буквами *hā'* ح, ср. *krewnix* (с. 4b, стр. 5–6), а также *hā'* خ, ср. *jexō* (с. 189а, стр. 4);

• обозначение конечного звука *j* буквой *yā'* ي и её графическим вариантом *ŷ*, ср. *peršī* (с. 2b, стр. 12).

В славяноязычной части текста отмечаются черты, характерные для северного периферийного польского диалекта, которые перемешиваются здесь с элементами белорусского и польского языков. Однако их наличие ещё вовсе не значит, что данный текст является польским или белорусским. В нём имеются следующие черты, характерные для северного периферийного польского диалекта:

– написание буквы [u] вместо буквы [w] и наоборот, *najprūd ibrik ūzawši* (с. 18b, стр. 13), *ūše hrexī odpušci* (с. 71b, стр. 1);

– произношение согласного [g] как белорусского [h] и одновременное сохранение польского [g]: *jehō* (с. 7а, стр. 4), *prawujū nahū* (с. 22а, стр. 6), *ūše hrexī odpušci* (с. 71b, стр. 1), *ū naucca beglim bic* (с. 64а, стр. 8), *pan būg mūwi* (с. 71b, стр. 6);

– удвоение согласных, чаще всего согласного [n], в окончаниях существительных среднего рода в интервокальном положении *pōšle jezenne*: (с. 18b, стр. 4), *pri pōrezennū* (с. 174b, стр. 13), *ōd bōlenne* (с. 176b, стр. 10);

– полногласие: *warōt* (с. 4а, стр. 12), *na halawū* (с. 19а, стр. 7), *dōrōx rōzlučnix* (с. 149а, стр. 4);

– аканье, которое в текстах татар ВКЛ проявляется в графическом обозначении этимологического безударного [o] буквой [a]: *za ajca* (с. 2а, стр. 13), *žanū prarōka* (с. 3а, стр. 1), *abliwajči še wadōjū* (с. 19b, стр. 1);

– неразличимость глухого и звонкого согласных: *za bespōtōmne* (с. 3b, стр. 6), *na šemi* (с. 7b, стр. 8);

– белорусское произношение этимологических носовых гласных, проявляющееся в графическом обозначении этих звуков сочетанием знаков *vav* и *damma* или одним знаком *damma*, имеющим такое же фонетическое значение: *jšn pejūči* (с. 7b, стр. 8), *rūk* (с. 18b, стр. 4), *būzeš* (с. 26а, стр. 7), *rōzlučnix* (с. 149а, стр. 4) и одновременная передача [a] при помощи сочетания букв o+n: *dō gušlu pōrōndak* (с. 18b, стр. 12), *bab sōndnegō dna* (с. 115а, стр. 1);

– нетипичные формы существительных, напр. *xelapī* (с. 140b, стр. 1) в значении 'слуги' (полногласие, а также йот в составе суффикса, являющийся остатком древней собирательной формы: 'xlorja' с группой *-ьja);

– прошедшее время глаголов, выраженное, например, действительным причастием прошедшего времени, которое в ед. ч. заканчивается на буквы -l, -la, -lo, что следует рассматривать как полонизм, а также упрощение согласных групп за счёт утраты входившего в их состав суффикса -l, ср. *prōrek jehō milōšc mūwil* (с. 66а, стр. 9). Иногда после основы, заканчивающейся на гласный, вместо -l в конце слова употребляется знак *vav* (و), что следует рассматривать как результат влияния белорусского языка, ср. *‘abdu allah šwentī jednej nōci wīzew* (с. 70а, стр. 3);

– употребление окончания -i вместо -ij и наоборот в формах порядковых числительных (а также прилагательных): *jedinastī* (с. 3а, стр. 6), но *čternasti* (с. 3а, стр. 8);

– действительное причастие прошедшего времени, заканчивающееся на -(w)szy, которое характерно для северного периферийного польского диалекта: *najprūd ibrik ūzawšī* (с. 18b, стр. 13), *rūki pōmiwšī* (с. 19а, стр. 1);

– смешение лексических полонизмов и белорусизмов: *na źemlū* (с. 22а, стр. 6) и *na źemi* (с. 190b, стр. 8), *ažin* (с. 30b, стр. 3) и *jeden* (с. 188b, стр. 2), *rek skazal* (с. 189b, стр. 4).

Графико-орфографические особенности арабского пласта:

– отсутствие *хамзы* в начале слова (над *алифом* или под ним): *al-llāhumma* (с. 7b, стр. 11), *al-kāfi wa-al-nnūri wa-innatā amruhu idā arāda šay’an* (8а, стр. 5), *maliki yawmi al-ddīni iyyāka na ‘budu wa-iyyāka* (с. 8b, стр. 13);

– отсутствие знака *васла* над *алифом*, утратившим *хамзу* (как правило, это явление касается определённого артикля *al-*, в котором *хамза* подвергается элизии): *na al-mufarriḡu ‘an kulli maḥzūnin subḥāna al-muḥallišu* (с. 8а, стр. 2), *al-ḥamdu li-llāhi rabbi al-‘ālamīna al-rraḥmāni al-rraḥīmi* (с. 8b, стр. 11–12), *wa-huwa al-‘āliyyu al-‘ažīmu* (с. 9а, стр. 13);

– обозначение долгого гласного *ā* вокализационным знаком, т. н. „кратким алифом”, а не буквой *алиф*: *al-llāhumma urzuqnā bi-lā kaddin* (с. 7а, стр. 11), *al-ḥamdu li-llāhi rabbi al-‘ālamīna* (с. 8b, стр. 11), *al-rraḥmāni al-rraḥīmi* (с. 8b, стр. 12);

– передача долгого гласного *ā* буквой *vav*, а не *алифом*, что наблюдается в нескольких словах, заимствованных из арамейского языка: *al-llāhumma rabbanā yā rabbanā taqabbal minnā šalātinā* (с. 1, стр. 7), *šalāti al-fārzi al-maḡribi wa-lā turiddu ‘alaynā* (с. 1, стр. 8), *al-šsalāt yā ḥayyu yā qayyumu al-llāhumma šallī* (с. 18а, стр. 1);

– передача долгого гласного *ī*, стоящего в конце слова, буквой *š* или буквой *š*: *‘an kulli masḡūnin subḥāna al-llaḍī yuḥsiru* (с. 8а, стр. 3); *ti wa-mā fi al-arḍi man ḍā al-llaḍī yašfa’u* (с. 9а, стр. 8), *aktarihim lā yu ‘minūna inna ḡa ‘alnā fi* (с. 9b, стр. 7);

– перенос слова на следующую строку, что не встречается в арабском языке (влияние латиницы): *al- ‘aduwwi subḥāna al-mutanaffasu ‘an kulli madyunin subḥā / na al-mufarriḡu ‘an kulli maḥzūnin subḥāna al-muḥallišu* (с. 8а, стр. 1–2), *lā ta ‘ḥuḍuhu sinatun wa-lā nawmun lahu mā fi al-ssatāwā / ti wa-mā fi al-arḍi man ḍā al-llaḍī yašfa’u* (с. 9а, стр. 7–8);

– вариантивное употребление букв ة и ت в конце слова, несмотря на чёткое правило, согласно которому первая из названных выше букв употребляется в формах единственного, а другая – в формах множественного числа; возможно, это результат влияния тюркского и/или персидского языка, в которых имеется такая нестандартная орфография: *ṣalāti al-fārzi al-maḡribi wa-lā turiddu* ‘alaynā (с. 1, стр. 8), *al-ṣṣalāt yā ḥayyu yā qayyumu al-llāhumma ṣallī* (с. 18a, стр. 1), *ḥayyu ‘alā al-ṣṣalāti ḥayyu* ‘alā al-ṣṣalāti ḥayyu (с. 23b, стр. 11);

– ошибочное написание всей буквы или диакритических знаков (в форме точек, которые пишутся над или под буквой и которые употребляются для различения фонем): *al-ddīni wa-ṣamānahi al-a‘dā‘i wa-qahri* (ن̣ вместо ت̣, а также ◦ вместо ة̣, с. 7b, стр. 13), *al-mā‘a wa-al-ḥisāri wa-al-‘uyūnu subḥāna al-‘alīmu bayyana* (س̣ вместо ص̣, с. 8a, стр. 4), *al-llāhumma ṣallī ‘alā sayyidinā wa-nabiyyinā muḥammad wa-‘alā* (с. 8b, стр. 9);

– ошибочное написание вокализационных знаков, представляющее собой нарушение орфографических правил (и влекущее за собой неправильное произношение) и приводящее к грамматическим ошибкам (в склонении, спряжении): *al-‘aduwwi subḥāna al-mutanaffasu ‘an kullī madyunin subḥā* (ошибочное написание знака *дамма* вместо знака *касра* под буквой س̣ *sīn*, с. 8a, стр. 1), *al-mā‘a wa-al-ḥisāri wa-al-‘uyūnu subḥāna al-‘alīmu bayyana* (знак *касра* вместо знака *фатха*, 8a: 4), *nastā‘inu ih(i)dīnā al-ṣṣirāṭa al-mustaqīma ṣirāṭa al-llaḏīna* (буква ◦, снабжённая двумя знаками: *касра* и *сукун* с. 9a, стр. 1).

Значение рукописи и исследовательские перспективы

Вышеприведённые замечания следует считать предварительными. Они могут послужить в качестве исходной точки для дальнейшего исследования рассматриваемого манускрипта, причём имеются в виду как филологические и текстологические, так и переводческие исследования, включая транслитерацию, что позволило бы подробно описать содержащийся в рукописи материал. Такое описание послужило бы основой для сравнительного исследования, для сопоставления данной рукописи с другими сохранившимися хамаилами, а в более широкой перспективе – для проведения осмотра и анализа всего рукописного наследия татар ВКЛ, которое – как упоминалось выше – представляет собой особо ценный источник для научных исследований не только в области филологии, но и для междисциплинарных исследований, в том числе в области истории и этнографии, а также культуры- и религиоведения.